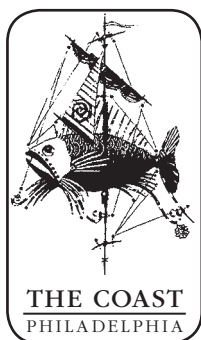

На Побережье

Рассказы писателей русского Зарубежья

Составление и общая редакция И. Михалевича-Каплана

БОСТОН • 2009 • BOSTON

На побережье...

Рассказы писателей Русского Зарубежья

Составление и общая редакция И. Михалевича-Каплана

ISBN 978-1-934881-20-0

Library of Congress Control Number: 2009936287

Copyright © 2009 by M•Graphics Publishing

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

Оформление обложки: П. Крайтман, © 2009

Фотография на обложке: Yana Eager © 2009

Подготовка к печати: И. Михалевич-Каплан и М. Минаев

Published by M•GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь Михалевич-Каплан	
От составителя	ix
Ирина Панченко, Ксения Гамарник	
«Культура русская всегда едина и лишь испытывается на разрыв...»	xi
Марк Азов	
<i>Ханна</i>	1
Аргус (М.К. Айзенштадт)	
<i>Как я учился английскому языку</i>	5
<i>Как стать американским гражданином</i>	8
Виктор Бердник	
<i>Lost opportunity</i>	12
Филипп Берман	
<i>Две жизни</i>	32
<i>Белые кони</i>	43
Нина Большакова	
<i>Маленький Чехов</i>	46
Генрих Габай	
<i>Бар-мицва</i>	52
Ян Гамарник	
<i>Шарики</i>	60
<i>И дрогнул враг...</i>	63
Евгения Гейхман	
<i>Старые часы с боем</i>	67
Майк Гелприн	
<i>Нейтрал</i>	71
Александр Генис	
<i>Овца Долли</i>	75
<i>Княгиня Гришка</i>	77

Ольга Гринвуд		
	<i>Зарисовка из больницы Сен-Пьер</i>	81
Моника Згустова		
	<i>Я жила в Париже</i>	86
Петр Ильинский		
	<i>Встреча</i>	101
Татьяна Калашникова		
	<i>Улица надежд</i>	112
Семён Каминский		
	<i>Сервиз Гарднера</i>	116
Игорь Левентан		
	<i>Прощание с прошлым</i>	123
ЛеГеза		
	<i>Одри</i>	125
Яков Липкович		
	<i>Мария Стюарт</i>	137
Елена Литинская		
	<i>Эд и Джон (Записки библиотекаря)</i>	139
Валерий Любанов		
	<i>Теракт</i>	148
Лариса Матрос		
	<i>«Степью лазурною, цепью жемчужною...»</i>	154
Игорь Михалевич-Каплан		
	<i>Чашка кофе</i>	159
	<i>Китайская тарелка</i>	161
Майкл Дж. Никлас		
	<i>Как я появился на свет</i>	164
	<i>Мое первое прозвище</i>	167
Оксана Онисимова		
	<i>О любви</i>	171
Наталья Павлова		
	<i>Сыр-бор по-итальянски</i>	179
Евгений Плоткин		
	<i>Питер-Рига</i>	193

Лана Райберг	
<i>Лёлик</i>	198
<i>Старуха</i>	206
Марк Расстанный	
<i>Итальянец</i>	210
Юрий Розвадовский	
<i>Ночной блюз</i>	223
Владимир Савич	
<i>Кинопроба</i>	227
<i>Перестраховщик</i>	236
Михаил Садовский	
<i>Я закрываю...</i>	244
Кира Сапгир	
<i>Что у нас сегодня на телеэкранах</i>	250
Александр Синдаловский	
<i>Письма из Индии</i>	252
Александр Торин	
<i>Особенности международной рыбалки</i>	258
Татьяна Успенская	
<i>Я — Флоранс (главы из романа)</i>	281
Борис Филиппов	
<i>Ночлег</i>	306
<i>Сумерки</i>	310
Ирина Чайковская	
<i>Лючия</i>	313
Максим Д. Шраер	
<i>Sonetchka</i>	327
Давид Шраер-Петров	
<i>Кругосветное счастье</i>	334
Василий Яновский	
<i>Мистраль</i>	348
<i>Жизнь и смерть студента Курлова</i>	353
Об авторах	359

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемый читателю сборник-антология включает в себя прозу из журнала «Побережье», которая была напечатана с 1992 по 2008 годы. Составитель ставил своей целью отобрать произведения авторов, наиболее интересных с точки зрения развития литературного процесса и наиболее характерных для современной русской зарубежной литературы. В антологии представлены различные стили, жанры, литературные направления, школы, новаторские приемы, индивидуальные эксперименты и т. д. Насколько это удалось — судить читателям.

Журнал «Побережье» известен далеко за пределами города Филадельфии, в котором издается, и пользуется большим уважением у авторов и читателей в России, Украине, Белоруссии и других странах ближнего и дальнего Зарубежья. География издания составляет добрых три десятка стран. Просуществовать на Западе элитарному изданию некоммерческого плана — дело непростое. Часто его называют «литературным гнездом» русскоязычной Америки. Самые интересные материалы перепечатываются в российской и зарубежной периодике, включая академические издания и антологии, в том числе и англоязычные. В процессе публикации, — а каждый номер охватывает почти четыреста страниц убористого текста, — многие произведения как бы «теряются» среди художественного потока. Сборник — отдельное книжное издание. Составитель посчитал необходимым собрать наиболее характерные и интересные литературные произведения, созданные прозаиками зарубежья на темы нашего бурного времени, что и послужило основной идеей при отборе работ.

В книгу включены произведения представителей всех четырех волн эмиграции, всего сорок имен и представлены пятьдесят произведений. Исключение составляет Оксана Онисимова,

живущая в Москве, но написавшая на зарубежную тематику. Список авторов идет в алфавитном порядке. О каждом из них даны биобиблиографические сведения. Проза представлена как оригинальными текстами, так и материалами из архивов и литературных находок (предоставлены наследниками: рассказы Бориса Филиппова — Евгенией Жиглевич, Василия Яновского — Изабеллой Яновской).

Одна из задач сборника — представить читателям одну из двух взаимодействующих родственных ветвей одного дерева русской литературы — Зарубежья, показать их обоюдную миграцию, обмен на уровне языка, идей, литературных приемов, появления героя нового типа. Эти пересечения сюжетов, интеллектов, образов проникают в обе ветви литературы, служат просвещению и внедрению духовной культуры.

Вступительная статья была написана литературоведами Ириной Панченко и Ксенией Гамарник.

«Когда нас спросят, в чем оправдание вашего пребывания в эмиграции, — писал один из редакторов парижского журнала «Современные записки» И.И. Фондаминский (Бунаков), — мы укажем на тома «Современных записок». Надеемся, что на этот же вопрос с полным правом могут ответить авторы и издатели журнала «Побережье», из страниц которого и составлена данная книга.

Игорь Михалевич-Каплан
*Филадельфия,
август 2009*

МАРК АЗОВ

ХАННА

Есть у нас одна женщина, Ханна ее зовут. Городок у нас небольшой, в Нижней Галилее, редко кто может остаться незамеченным, а Ханна — так, вообще, достопримечательность. Все чем-нибудь заняты: кто работает, кто получает пособие и поет в хоре репатриантов. А Ханна ждет Машиаха.

Вы только не подумайте, что она одна ждет. Многие ждут. Но как? Не сидят, сложа руки, а проводят ряд мероприятий по ожиданию Машиаха. Для них ожидание стало профессией: живут с ожидания и кормят семьи. «Хабадники» в специальных автобусах разъезжают с портретом любавичского ребе, который, как они утверждают, и есть Машиах. Эти уже дождались, но все равно ожидают.

А Ханна ждет, как родного. У нее никого нет ближе Машиаха. Бабушку с дедушкой расстреляли во рву у местечка Паричи в Белоруссии, маму — она тогда была еще девочкой — Бог пожалел, пристроил у чужих людей... Потом и тех людей прибрал, и маму с папой. А Ханне не дал ни мужа, ни детей.

Да и что Он мог поделать? Красивой ее никак не назовешь. Разве что глаза?

Глаза на ее некрасивом лице с бесцветного цвета кожей жили своей отдельной жизнью. И если глаза — зеркало души, то из зеркала этого смотрелась ханнина мама босоногой девочкой на зеленом лугу у реки Березины, и река светилась солнцем, и коровы гремели боталами не шее.

Но человек, глядя в зеркало, видит только себя. Вот никто и не разглядел душу Ханны.

Да она о себе никому не рассказывала, она говорила только о Машиахе... Но не надо представлять ее в виде городской сумасшедшей, непричесанной и неумытой, которая, знай себе, бродит по улицам и говорит, говорит в пустоту. Бродить и болтать ей было

некогда; она работала в школе с религиозным уклоном учительницей и одевалась, как им положено, аккуратно: на голове парик, блуза непорочной белизны и длинная юбка из джинсовой ткани. Вот в школе, на уроках Танаха, она, о чем бы не говорила, в тему — не в тему, сбивалась на Машиаха:

— Вот придет Машиах, и восстанут из рвов и могил все родные, и люди будут жить вечно, и никто не будет нуждаться в пище телесной, только в том, чем жива душа, и наступит всеобщий мир — волк возляжет рядом с ягненком. А без царя Машиаха, — говорила она детям, — сами видите, ничего хорошего у нас не будет.

Дети, которые переросли учительницу и, правда, сами видели: правители, которых выбирали демократическим путем, как правило, приходят и уходят раньше срока, и за ними еще долго тянутся их уголовные дела.

— А почему же он не приходит, царь Машиах?

— Это не от него зависит.

— А от кого же?

— От нас. Кто-то его должен помазать на царство. Для этого все мы должны собраться на Святой земле, все жить по Торе — значит по закону, данному на горе Синай, и все должны просить Машиаха возглавить войско, чтобы в последней войне победить ненавистников наших.

Когда она это говорила, ее «отдельные глаза» так освещали все лицо, что перед классом вдруг оживала пророчица Дебора, та самая, что проповедовала с горы, названной ее именем. Гора эта, с плоской вершиной, видна из окон школы, отсюда пророчица направляла пастухов и пахарей, вооруженных лишь бронзовыми мечами, против железных колесниц врага, запряженных свирепыми онаграми.

Но лишь урок кончался, и за учительницей закрывалась дверь, дети начинали понимать, что значат слова «все вместе»... То есть попросту ничего не значат!.. Вроде все, сидящие в классе, готовы бежать с горы, потрясая мечами... Но не все их родители живут по Торе, многие рады бы покинуть эту, для них не святую, землю. А вот посмеяться над учительницей, с ее Машиахом, готовы почти все. Короче, никакого такого единства в еврейском народе даже детский наивный глаз не обнаруживал. И Машиаху ничего не оставалось, как пройти мимо. И трусил он где-то на своем ослике по обочине шоссе, так и не помазанный на царство, и обгоняли его смеющиеся люди в лимузинах.

В конце концов, видимо, и до самой Ханны дошло, что Машиаха ей не дожидаться, потому что в нашем народе слишком многие не верят в его приход, и вдруг она замолчала на эту тему.

Замолчала, и в нашем городе как-то сразу потемнело. Ведь эта одинокая женщина Ханна была для города тоже светом глаз.

Оказывается, мы тоже ждали. Кого? Чего? Не задумывались. Но когда катишься в пропасть по абсолютно гладкой наклонной плоскости вместе с домом, в котором живешь, и страной и землей, на которой твой дом стоит, то все еще надеешься за что-то зацепиться или кто-то подаст тебе руку.

И вот перестала Ханна ждать, а мы продолжали катиться.

И как будто выключили театральное освещение, мы остались в нашем городе, как на сцене, в декорациях цвета бетона.

Ну и собирались кучками и начинали судить-рядить: с чего бы это Ханна забыла о своем Машиахе?

И тут ее ближайшая соседка протерла нам глаза:

— Вы что, не заметили, что у нее мужик?

— Как это?

— У нее в доме живет мужчина.

— Она комнату сдает, что ли?

— Может, и комнату.

— А иначе была бы свадьба с хупой. Ханна не из тех, кто может себе позволить без хупы.

— Любовь зла... Может, он не разведенный.

Все это показалось весьма убедительным. Если женщина при таких ее внешних данных и, увы, не девичьем возрасте встретила, наконец... То какой тут может быть Машиах?! Пока свое счастье еще не приелось, какое ей дело до всеобщего?

А то, что она счастлива, написано на лице. Если раньше ее щеки были цвета мацы непропеченной, то сейчас — тоже мацы, но подгорелой. Ученики это сразу заметили. А глаза, которые и раньше сияли, теперь еще и дышали, такие это были живые глаза. И дети как будто попадали под теплый душ, начинали прыгать, веселиться. Урока не получалось. Но она не замечала этого, ее глаза теперь существовали только для других, чтоб обдавать своей нежностью...

А соседки, тем временем, продолжали:

— Она с ним носится... не знает куда усадить...

— Пылинки сдувает.

— Кормит одной фаршированной рыбой!

— Да нет, рыбой как будто не пахнет.

— А он работает?

— Не похоже. Он вообще из дому не выходит. Я его ни разу не видела в автобусе.

— Может, у него машина?

— Во дворе никаких машин.

— А в сарайчике?

От прежнего владельца Ханне досталась пристройка, но вряд ли в нее можно было загнать автомобиль.

Впрочем, пока соседки плескали языками, ребята уже были по ту сторону забора. Обдираясь о разного рода колючки — тут розы и кактусы состояли в тесном содружестве — пролезли в пристройку...

Там стоял ишачок, белый ослик с прозрачными розоватыми ушами. Глаза у него были умные и печальные.

В городе было много печальных глаз, но таких умных ни у кого не было... Кроме Ицика из шестого класса.

— Чтоб я сдох, — сказал Ицик, — если он не пришел, Машиах, вернее, приехал...

— Да-а... Но мертвецы все на месте, — затарахтели ребята. — И арабы делают, что хотят с Израилем.

— И волк не возлежит с ягненком. А ты говоришь...

— Я не сказал, что Машиах пришел к мертвецам или к волку с ягненком, — возразил умный Ицик, — я всего-навсего сказал, что он пришел к тому, кто его ждал по настоящему. А больше я ничего не говорил.

И ослик подтвердил его слова.

АРГУС

**(Михаил Константинович Айзенштадт,
1900–1970)**

КАК Я УЧИЛСЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В Америку я приехал, вооруженный превосходным знанием английского языка. Во всяком случае, у меня самого никаких сомнений по этому поводу не было.

В Америку я стремился давно — в детском возрасте, чтобы спасти прекрасную креолку от стрел краснокожих, в более зрелом возрасте, чтобы спасти собственную шкуру от красного расстрела. Когда я окончательно убедился в своей полной несозвучности эпохе, я решил бежать из России во все лопатки прежде, чем меня уложат на эти самые лопатки.

Я сильно торопился. Мы, русские, всегда торопимся. Так уже нам издавна предопределено судьбой. Мы всегда, как отметил поэт, «и жить торопимся, и чувствовать спешим», из вполне резонного опасения, что завтра будет поздно. Ежедневно спрашивая себя, что день грядущий нам готовит, я стал энергично готовиться к поездке в Америку и к роли американского янки.

В первую очередь, конечно, я принялся за изучение английского языка. Я тогда ошибочно думал, что без знания английского языка в Америке нельзя прожить. Теперь-то я знаю, что знакомство с английским языком иногда даже мешает нашему брату, эмигранту, хорошо пристроиться у американцев. Но как я мог об этом догадываться тогда?

После долгих и утомительных поисков мне удалось раздобыть учебник: «Самоучитель английского языка. Краткий курс английского языка и грамматики с указателем фонетического произношения слов и словарем». В книге было двести пятьдесят страниц, и я решил ежедневно изучать по четыре с половиной страницы, чтобы

полностью овладеть английским языком в два-три месяца и быть готовым к отъезду в Америку в самый короткий срок.

Этот «самый короткий срок», по независящим от меня обстоятельствам, изрядно затянулся. Однако, слава про меня, как знатока английского языка, с невероятной быстротой разнеслась по всему Новгороду, где я тогда жил. Возгордившиеся мною власти чуть не откомандировали меня в Петроград, в народный комиссариат иностранных дел. Сейчас, оглядываясь назад на свою молодость, я с неясностью вспоминаю об этом «чуть не». Возможно, что благодаря ему, я теперь бывший советский подданный в Америке, а не бывший советский подданный в Советском Союзе.

Каждый день я заучивал наизусть четыре с половиной страницы «Самоучителя английского языка» — слова, правила, исключения, имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, глаголы, местоимения, имена британских королей и королев, героев английской мифологии, отрывки из стихотворений Мильтона, Байрона, Шелли, Китса и какого-то англичанина по фамилии Джонсон.

Вначале искусство произношения английских слов мне показалось довольно путаным и сложным. Но как только я усвоил основное правило английского языка, что слова в нем произносятся не так, как пишутся, и пишутся не так, как произносятся, все пошло, как по маслу. Я сразу же хорошо заговорил по-английски.

Некоторые затруднения, правда, возникли с произношением букв «ТН», но я и это препятствие преодолел, посвятив несколько дней упражнениям перед зеркалом. Я строго следовал указаниям самоучителя: сжимал зубы, сворачивал язык, слегка выпячивал губы, затем чуть разжимал зубы и, проталкивая через них язык, задерживал его у выпяченных губ и произносил «ТН». Очень просто. Уходило у меня на это всего лишь около двух минут, а когда я приобрел нужный опыт, и того меньше. Теперь я так бегло говорю по-английски, что весь процесс отнимает у меня не больше одной минуты, а иногда я даже могу «ТН» произнести в сорок-пятьдесят секунд.

Произношение остальных букв английского алфавита было гораздо легче. Следуя инструкциям самоучителя, я хорошо запомнил, как произносится буква «Е», стоящая вверх ногами, или лежащая на правом боку, или лежащая на левом боку, или совсем повернутая ниц. Я также запомнил, как произносится буква «А», когда над ней стоит черточка, и как эта самая буква произносится, когда она стоит над черточкой. Из учебника я узнал, когда буква «Т» произ-

носится, как «Ш», когда буква «S» произносится, как «З», когда буквы «GH» произносятся как «Ф», или вообще не произносятся. Одна буква причинила мне немало беспокойства. Это была буква «O» с точкой посередине, но в самоучителе не указывалось произношение такой буквы. Я долго ломал себе голову над ней, пока не догадался, что точку в букве «O» поставила любопытная муха, никакого отношения не имевшая к фонетике.

Несколько смущало меня то, что мой самоучитель был издан в Лондоне и с его помощью я научился говорить по-английски с оксфордским акцентом. Насколько мне было известно, американцы говорят по-английски иначе. От одного из своих товарищей, тетя которого жила в Америке, я узнал, что американцы отличаются от англичан тем, что не произносят буквы «р». Поэтому я в самоучителе зачеркнул все буквы «р» и, после некоторой практики, научился говорить по-английски с американским акцентом, как настоящий янки.

Через несколько месяцев я полностью овладел английским языком. От букв «TH» у меня чуть отвисла нижняя губа, но читал я очень бегло, а говорил безукоризненно, точь-в-точь, как было указано в самоучителе, но, естественно, без буквы «р». Своих друзей и родственников я поражал и потрясал цитатами из английских классиков. Чтобы придать себе чисто американский вид, я стал носить кепи и курить трубку. Это было единственное в моей жизни время, когда я курил трубку.

У меня появились ученики. Было бы преувеличением утверждать, что все население Новгорода надеялось вырваться за границу, а в особенности в Америку. Я лично знал два семейства, которые не намеревались уезжать дальше Украины Скоропадского. По их мнению, Украина была идеальным местом для эмиграции: и за граница и все-таки Россия.

Так как у меня конкурентов не было, я брал за уроки довольно дорого: по три четверти фунта хлеба или по четверти фунта сахара за каждые пять уроков. Среди моих учеников был молодой человек, выступавший с успехом на наших любительских спектаклях и мечтавший об артистической карьере в Америке. Он стал брать у меня уроки английского языка, чтобы научиться декламировать в оригинале монолог Гамлета.

Он был немного туповат. Как я над ним ни бился, он не мог усвоить американского выговора. Мне постоянно приходилось ему напоминать, что подлинный янки, читая монолог Гамлета, сказал бы: «Быть или не быть — вот в чём волос» — без буквы «р».

В конце концов я уступил и согласился на то, чтобы мой ученик читал знаменитый монолог с оксфордским акцентом.

И вот наступил долгожданный день моего приезда в Америку. В порту, на набережной в Нью-Йорке меня встречали какие-то родственники, о которых я до тех пор не имел никакого представления. Я их приветствовал на изысканном английском языке.

Один из родственников, с испуганным выражением лица, сказал мне: — Как изменился русский язык с тех пор, как я покинул Россию! Ты, по-видимому, говоришь на новом советском языке. Я ему ответил по-английски, что он ошибается. Родственник печально покачал головой. Он ни одного слова из того, что я ему сказал, по-видимому, не понял.

— Пока ты не научишься говорить по-английски, — сказал он, — нам невозможно будет разговаривать друг с другом. А старого русского языка ты случайно не знаешь?

КАК СТАТЬ АМЕРИКАНСКИМ ГРАЖДАНИНОМ

Пришел ко мне знакомый соотечественник, чем-то сильно расстроенный.

— Что с вами? — спросил я его. — Что случилось?

— Только что со мной произошел инцидент, который меня очень встревожил, — ответил он срывающимся от волнения голосом. — Какой-то тип остановил меня на улице. Сказал, что он журналист, работает в какой-то газете и проводит опрос об отношении населения этой страны к внешней политике Белого Дома. Попросил меня высказаться по этому поводу. Я ему объяснил, что никак высказаться по поводу внешней политики президента не могу, так как я еще не американский гражданин. Журналист этот, пронира первой степени, так ко мне пристал, что я не выдержал и сказал ему, что именно мне во внешней политике Белого дома нравится, а что не нравится.

— Так что же вы волнуетесь?

— Но ведь я не гражданин. Гражданские бумаги получу только через полгода. Не думаете ли вы, что у меня возникнут неприятности с властями?

Я расхохотался и заверил своего приятеля, что здесь любой человек, независимо от того, имеет ли он гражданские бумаги, или не имеет, может свободно и безнаказанно выражать свое мнение.

Он ушел, далеко, однако, не уверенный в том, что с ним не произойдет никаких неприятностей из-за его критики внешней политики президента Соединенных Штатов.

Этот случай дал мне идею составить руководство для русских эмигрантов, желающих стать американскими гражданами.

Для того, чтобы стать американским гражданином, необходимо в первую очередь приехать в США. Было бы, конечно, очень хорошо, если бы неудачники, родившиеся за пределами Соединенных Штатов, могли стать американскими гражданами заочно. Но это никак невозможно.

Я приехал в Америку к родственникам. На всем земном шаре нет более страшных людей, чем родственники. Родственники отличаются тем, что если вы не пристроены, вам надо их отыскивать, а если вы пристроены, они отыскивают вас.

Я прибыл в Нью-Йорк в противный мокрый январский день. Меня встретил дядя. Во всяком случае, он сказал, что он мой дядя, и я ему поверил. Действительно, подумал я, какой сумасшедший, если он мне не дядя, притащится в такую отвратительную погоду, чтобы встречать меня?

Дядя осмотрел меня с головы до ног и, по-видимому, остался весьма недоволен тем, что увидел.

Он что-то сказал мне на своем туземном наречии. Я ничего не понял и только замычал по-коровьи. Тогда-то я впервые понял, какую роль в жизни эмигранта имеет мычание. Дядя несколько раз хлопнул меня по плечу, сказал что-то, что было похоже на «гуд-бай», и ушел. Вернулся через двадцать три года. Не на набережную в порту, конечно. Меня там уже не было.

...Он меня не узнал... Там, на набережной, в день своего прибытия в Нью-Йорк, я был эмигрантом. За эти двадцать три года я стал американцем. Не только американцем, но и американским гражданином. Впрочем, для того, чтобы быть американским гражданином отнюдь не надо быть американцем.

Американизироваться очень легко. Надо только взяться за дело умеючи.

Вы приезжаете в Нью-Йорк и поселяетесь в районе, в котором живут ваши друзья, которые эмигрировали в Америку десять лет тому назад. Район очень хороший. Через короткое время вы такой же американец, как и ваши друзья, хотя вы в Америке прожили только несколько месяцев.

Вы узнаете, что все другие американцы, живущие в этом же районе, говорят на языке, сильно напоминающем русский. Вы узнаете, что американцы, с которыми вам приходится ежедневно сталкиваться, живут точно так же, как мы все когда-то жили в России.

Они читают русские газеты. Покупают русские книги. Посещают русские спектакли. Едят русский борщ с русскими пирожками. Пьют русскую водку. Ссорятся по-русски.

Время от времени, однако, вы наталкиваетесь на иноземцев, болтающих на каком-то чудовищном, никому непонятном наречии. На них лучше всего не обращать никакого внимания. В общем, они люди безобидные. Если вы их не будете трогать, они вас оставят в покое.

Через пять лет по своем приезде в США я подал в иммиграционное бюро прошение о гражданских бумагах.

На первом экзамене я провалился, и меня оставили на второй год.

Дело было в том, что экзаменовавший меня чиновник тоже говорил на том странном диалекте, к которому мы за все время нашего пребывания здесь никак не можем привыкнуть.

Говорил он так, как будто рот его был полон орехов. Каждый раз, когда он произносил какое-либо слово, все орехи в его рту начинали одновременно вращаться, скрипеть и трескаться. Естественно, что я ни одного слова из того, что чиновник иммиграционного ведомства мне сказал, не понял. Я решил поэтому идти по линии наименьшего сопротивления и на все вопросы отвечать бойко и утвердительно: «Иес! Да!»

Один из заданных мне вопросов, как я узнал потом, был: — Вы анархист? — Иес, — радостно ответил я. — Да! Затем чиновник меня спросил: — Вы многоженец?

Столь же весело и приподнято я ответил: — Иес! Да!

— Вы стоите за насильственное свержение государственного строя Соединенных Штатов? — Иес!

— Вы принадлежите к какой-либо подрывной организации? — Иес!

— Совершили ли вы в этой стране какие-либо уголовные преступления?

— Иес!

Ясно, что в моих инструкциях «Как стать американским гражданином» есть весьма дельный совет. На вопросы, которые вам будут задаваться иммиграционными чиновниками, отвечайте всегда отрицательно: «Но! Нет!»

Из-за этих проклятых «Иес! Да!» я провалился на экзамене с треском.